

В настоящей статье несобственно-прямая речь (далее НПР) рассматривается с точки зрения её генетической типологизации. Автор приходит к выводу, что, исходя из психологической природы НПР, её можно разделить на внешнюю и внутреннюю. В статье описаны характерные особенности генетических видов НПР и проиллюстрированы примерами из произведений англо-американской прозы XX века.

Ключевые слова и фразы: несобственно-прямая речь, психологическая проза, внешняя речь, внутренняя речь, лингвистическая структура, диалогичность внутренней речи

Пучинина Ольга Павловна,

Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПРОЗЫ XX ВЕКА)

В данной статье объектом исследования является несобственно-прямая речь (далее НПР), которая рассматривается как особый вид чужой речи, обладающая особым лингвистическим потенциалом. Предметом исследования является генетическое разделение НПР на внешнюю и внутреннюю НПР, а также механизмы их реализации и назначение в художественном тексте.

На психологическую природу НПР, её психологический генезис, психологическую эволюцию обращали внимание многие отечественные и зарубежные исследователи. О психологическом характере НПР говорится преимущественно в связи с проблемами психологизации литературы, психологического изображения, психологического анализа и т.д. В таких исследованиях речь обычно идёт о психологической действенности НПР, однако для более глубокого механизма этой действенности необходимо изучить

двуплановый психологический аспект НПР: *экзофазную* (внешнюю, звучащую, произнесённую) НПР и *однофазную* (внутреннюю) НПР как это видели большинство исследователей (А. А. Андриевская [2], Е. А. Гончарова [5], Н. Ю. Сахарова [9], Д. Фаульзайт [15] и др.) [7, с. 39].

Рассмотрим оба вида НПР. Психологическую природу внешней НПР, механизм её действия (сопереживания) проиллюстрируем приведённым ниже примером, который представляет собой ряд вопросов, заданных персонажем романа Айрис Мёрдок «Под сетью» Хьюго Белфаундером в одном из разговоров с главным героем Джеймсом Донагью. Читатель воспринимает эту внешнюю (звучащую или оформленную как звучащую) речь, интроспективно. Презентация только вопросов данного диалога подчёркивает большую заинтересованность Хьюго. Этот пример позволяет с одной стороны, проследить психологический фактор сопереживания, с другой – психологический фактор звучания.

“Hugo knew nothing about translating, ... he wanted to know what it was like. I remember him going on and on... What do you mean when you say that you think the meaning in French? How do you know you're thinking it in French? If you see a picture in your mind how do you know it's a French picture? Or is it that you say the French word to yourself? What do you see when you see the translation is exactly right? Are you imagining what someone else would think, seeing it for the first time? ... Or is it a kind of feeling? What kind of feeling? Can you describe it more closely? And so on and so on, with a fantastic patience. During these conversations I began to see the whole world anew [19, с. 31-32]. (Хьюго ничего не знал о переводе, ... он хотел знать, на что это похоже. Я помню, как он настойчиво спрашивал... что вы подразумеваете под словами, что вы обдумываете смысл по-французски? Откуда вы знаете, что вы думаете по-французски? Если вы представляете себе какую-то картину, откуда вы знаете, что она французская? Или вы мысленно произносите французское слово? Что вы видите, когда вы видите, что перевод верен? ... Или это просто чувство? Какое чувство? Вы не можете описать его подробнее? И так далее, с невообразимым терпением. Во время этих разговоров

я как будто заново начинал воспринимать мир.) (Здесь и далее перевод автора – О.П.).

Произнесённая НПП является свойственным, но не характерным компонентом стиля современной художественной прозы. Всё более широкое распространение в литературе различных художественных направлений, в том числе и в произведениях психологической прозы, приобретает внутренняя НПП, обладающая уникальными свойствами: описание латентных мыслей и чувств действующих лиц романа (не только главного героя), придающее особый психологизм роману [13].

Психологической основой внутренней НПП является внутренняя речь. Проблема внутренней речи стоит на стыке психологии и наук об идеологии. В психологии термин «внутренняя речь» обычно обозначает беззвучную, мысленную речь, которая возникает, когда человек думает о чём-либо, решает какие-либо задачи, строит мысленные планы, размышляет об увиденном, услышанном, прочитанном и т.д. [7, с. 40-41]. Р. С. Немов определяет внутреннюю речь как особый вид человеческой речевой деятельности, непосредственно связанный с *бессознательными*, автоматически протекающими процессами перевода мысли в слова и обратно [8, с. 549].

Генетическая природа внутренней речи, согласно психологическим наблюдениям Л. С. Выготского [4], А. Н. Соколова [11], Б. Г. Ананьев [1], Р. С. Немова [8], характеризуется тем, что представляет собой явление не изолированное, а производное от речи внешней. Ещё И. М. Сеченов, исследуя природу мышления про себя, доказал, что почти всегда мышление про себя сопровождается «немым разговором», движением мышц в полости языка [10, с. 142]. Внутреннее проговаривание, мысленное словесное воспроизведение, речедвигательные импульсы, внутренний слух – во всех этих факторах исследователи усматривают диалектическую взаимосвязь внутренней и внешней речи, разноспектральную направленность внутренней речи, её способность быть внутренней по форме и одновременно внешней (ориентированной на собеседника) по функции. Взаимосвязь внешней и внутренней речи как

специфическое психологическое свойство внутренней речи в процессе литературно-художественной психологизации сопряжено с НПП (внутренняя НПП) [7, с. 41-42].

Мысленной проекцией на других является следующий отрывок, передающий размышления главной героини рассказа Джеймса Джойса «Эвелина». Она задумала бежать из дома и глубоко переживает этот поступок. Кроме того, её беспокоит, что могут сказать о ней её знакомые.

“She had consented to go away, to leave her home. Was that wise? She tried to weigh each side of the question. In her home anyway she had known all her life about her. Of course she had to work hard, both in the house and at business. What would they say of her in the Stores when they found out that she had run away with a fellow? Say, she was a fool, perhaps, ... Miss Gavan would be glad. She had always had an edge on her” [17, с. 36]. (Она согласилась бежать, покинуть свой дом. Было ли это правильно? Она пыталась взвесить вопрос с каждой стороны. Жизнь дома была привычна. Конечно, ей приходилось много трудиться, и дома и на работе. Что скажут в магазине, когда они узнают, что она сбежала с парнем? Может быть, они скажут, что она глупышка, ... Мисс Гэвен будет даже рада. Она всегда посмеивалась над ней).

Вопрос “What would they say of her in the Stores ...?” обращён героиней к самой себе, в то время как первая часть данной внутренней НПП адресована мысленному собеседнику, т.е. внешнему миру. В этом проявляется, по мнению Е. Я. Кусько, диалектическая взаимосвязь речи внешней и внутренней [7, с. 42].

Отражаясь в сознании индивида то как повторение внешней речи, то как её речевой план или схема, внутренняя речь превращается в сложный лингво-психологический комплекс, определяющий механизм мышления. В ней не только трансформируются конкретно мысленные речевые (слуховые, зрительные и моторные) восприятия, но и действует сложный механизм абстрактно-логических операций с взаимосвязью речи и мышления.

Тесная взаимосвязь внутренней речи с внешней, устной речью, а также с письменной речью, по мнению исследователей, – специфическое её свойство.

Специфичность проявляется также в её лингвистической структуре как составной части единства: язык и мышление, в котором определяющим является мышление [7, с. 42-43]. Однако и язык не остаётся пассивным. В процессе мышления он является не только средством оформления мысли, но и, по словам И. В. Страхова, «орудием её оформления и развития» [12, с. 10].

Для лингвистической структуры внутренней речи, как отмечают психологи, лингвисты, литературоведы (И. В. Страхов [12], А. А. Андриевская [2], Х. Бринкманн [14] и др.) характерна диалогичность. Психологическую природу диалогичности внутренней речи Х. Бринкманн видит в свойствах личности расщеплять свой внутренний голос на два голоса, а иногда и глубже, когда диалогичность внутренней речи переходит в полилогичность [14, с. 814]. Психологическая диалогичность и полилогичность внутренней речи широко используется в современной художественной прозе, особенно во внутренних монологах [7, с. 43].

Например, в одном эпизоде романа «Время ангелов» А. Мёрдок показывает, как Мюриэль, желая помочь своей сестре Элизабет, вынужденной из-за врождённого недуга не покидать своей комнаты, размышляет о необходимости представить ей молодого и непосредственного Лео Пешкова. По её мнению, это событие должно встряхнуть Элизабет, дать ей новый стимул в жизни. Мюриэль задаётся вопросом и сама же находит ответ на него.

“A strange idea had come into Muriel’s head. Supposing she were to introduce this beautiful animal to Elizabeth? ... Elizabeth was asleep, spellbound. Why not awaken her with a shock, with this shock?”

The next moment Muriel told herself it was impossible, idiotic, dangerous. Carel would never agree to Elizabeth’s seeing Leo. Leo was much too, the word occurred to her, real, too grossly, too discordantly real... Besides, could Elizabeth stand such a shock without being seriously upset? ...

But was not that just the trouble? ... They had held their breath for Elizabeth long enough. It was time for something noisy and unexpected, for something a little

unpredictable and entirely new. Leo was noisy, unexpected, unpredictable and new. Muriel's imagination juxtaposed them. The image was pleasurable.

Would her father be very angry? Well, did it matter that something was done in the house which had not been minutely scrutinized and authorized in the slow darkness of Carel's mind, so that it seemed at last that they were all just the shadows of his thought? Elizabeth had not seen a single presentable young man since she had grown up. O brave new world! Of course it would shake Elizabeth, and she might even resent something so sudden. But why should not Elizabeth be shaken, shaken out of that menacing drowsiness? A shake, a shock would do them all good. It would be something invigorating, exciting. With Leo as her delightful tool Muriel would move to the attack. Why did it now seem so like a sweet warfare? Well, she would war upon her cousin. And here in a way Leo's lack of seriousness made him the real implement. Leo would further the game, but there could be no complications, no infections, no muddle. Nothing dangerous could happen. With Leo she would procure Elizabeth an experience" [18, с. 100-101]. (Странная мысль пришла в голову Мюриэль. Что, если познакомить это прекрасное животное и Элизабет? Эта мысль, даже только промелькнувшая, была важной и волнующей. Элизабет спала, как будто на неё наложили чары. Почему бы не пробудить её с помощью шока, такого шока?

В следующий момент Мюриэль говорила себе, что это было невозможно, глупо, опасно. Карел никогда не согласится, чтобы Элизабет встречалась с Лео. Лео был слишком настоящим, слишком противоречиво настоящим. Карел допускал только тусклых и невыразительных молодых людей к Элизабет. К тому же, выдержит ли Элизабет такое потрясение и не потеряет ли равновесие? Она привыкла к обычному порядку, к приглушённому и гармоничному обряду медленных движений и тихих голосов.

Но не в этом ли беда? В замкнутом пространстве она кружится, как в замедленном танце, и это погружало её в сон. Всё это сделало её вялой, и Мюриэль чувствовала, что от этого она сама задыхается, что она сама в плену. Они все слишком долго сдерживали своё дыхание ради Элизабет. Пришло время

для чего-то шумного и неожиданного, непредсказуемого и совершенно нового. Лео был шумным, неожиданным, непредсказуемым и новым. Мюриэль представила их рядом. Этот образ понравился ей.

Рассердится ли отец очень сильно? А если и рассердится – имеет ли это большое значение? Пора было изменить что-то в доме, что не было тщательно обдуманно и санкционировано во тьме туманной души Карела, она поняла только сейчас, они все – только тени его мыслей. Элизабет не видела ни одного приличного молодого человека, с тех пор, как выросла. О, прекрасный новый мир! Несомненно, это потрясёт Элизабет, и она будет возражать. Но почему бы не встряхнуть и пробудить Элизабет от этого зловещего сна? Потрясение, шок пойдут им всем на пользу. Это будет воодушевляющим, волнующим. Используя Лео как своё восхитительное оружие, Мюриэль пойдёт в атаку. Почему же это казалось ей приятной военной вылазкой? Что ж, она поведёт войну против своей кузины. И легкомыслие Лео делало его идеальным инструментом. Лео поведёт дальнейшую игру, он не создаст затруднений, осложнений, беспорядка. Ничего опасного не случится. С помощью Лео она даст Элизабет возможность получить опыт. Она и сама наберётся опыта).

В отличие от внешней речи, внутренняя обладает особым синтаксисом, характеризуется отрывочностью, фрагментарностью, сокращённостью. Превращение внешней речи во внутреннюю происходит по определённом закону: в ней в первую очередь сокращается подлежащее и остаётся сказуемое с относящимися к нему членами предложения [8, с. 276].

Сокращаются также второстепенные члены предложения, в зависимости от психологического контекста, когда та или иная часть мысли не высказывается, а подразумевается. Колеблющаяся структура предложений, наличие инверсий, эллиптических форм, повторов, вопросительно-восклицательных структур – все эти синтаксические особенности внутренней речи, как правило, обусловлены определённым психологическим состоянием: умственной сосредоточенностью на определённый объект, эмоциональным возбуждением и т.д. [7, с. 45].

Приведём в качестве примера отрывок из романа Уильяма Сарояна «Отважный молодой человек на летающей трапеции». Эллиптичность предложений (в данном отрывке *'no'*, *'also his books'*, *'all those...'*, *'nine of them...'*, *'but the books'*) обусловлена, прежде всего, спонтанным характером речевого (мыслительного) процесса, близостью синтаксической структуры НПР с синтаксисом прямой речи, с устной разговорной речью, а также с действием тенденции языковой экономии:

“Wasn't there something more he might sell? He looked about the bare room. No. His watch was gone; also his books. All those fine books; nine of them for eighty-five cents. He felt ill ashamed for having parted with the books. His best suit he had sold for two dollars, but ... he didn't mind at all about clothes. But the books. That was different. It made him very angry...” [20, с. 40]. (Что же ещё можно продать? Он оглядел пустую комнату. Ничего. Свои часы он уже продал, да и книги. Все замечательные книги; девять из них за 85 центов. Ему стало ужасно стыдно за то, что он расстался с книгами. Свой выходной костюм он продал за два доллара, но ... ему совсем не было жаль одежду. Но книги. Это совсем другое. Это разозлило его...).

Бесконечно сложный внутренний мир человека, процесс внутренних размышлений, отражаясь во внутренней речи, придают ей во многих случаях характер вопросительных, восклицательных или вопросительно-восклицательных структур. Особенно многогранна семантическая дистрибуция вопросительных структур: риторические, утвердительные, делиберативные, консультативные, побудительные и другие. Вопросительные и восклицательные структуры, свойственные психологической природе внутренней речи, широко представлены в НПР, во внутреннем монологе как важное средство психологического анализа, психологизации изображаемых событий [7, с. 46].

“In the gutter he saw a coin which proved to be a penny ... There was almost nothing a man could do with a penny ... but it was dreadful to be hungry. What appetites they had, how fond they were of food! Empty stomachs. He remembered how greatly he needed food” [20, с. 34]. (В канаве он увидел монету, которая оказалась

пенсом... На пенс почти ничего нельзя было купить... но он был ужасно голоден. Какой у них был аппетит, как они любили поест! Пустые желудки. Он вспомнил, как же сильно он хотел есть).

Герой рассказа «Отважный молодой человек на летающей трапеции» У. Сарояна угнетён своим бедственным положением, при котором у него не хватало денег даже на еду. Его волнение, испытываемое чувство несправедливости усиливаются благодаря включению восклицательного предложения в НПР.

Основной синтаксической характеристикой внутренней речи является предикативность. Её примеры обнаруживаются в диалогах хорошо знающих друг друга людей, «без слов» понимающих, о чём идёт речь в их «диалоге». Человек, размышляя во внутреннем монологе, который, вероятно, осуществляется через внутреннюю речь, как бы общается сам с собой. Естественно, для себя ему не нужно обозначать предмет разговора. Во внутренней речи преобладание смысла над значением доведено до высшей точки. Можно сказать, что внутренняя речь в отличие от внешней имеет свёрнутую предикативную форму и развёрнутое, глубокое смысловое содержание [8, с. 276-277].

Что касается фонетических особенностей внутренней речи, то отмечается её беззвучность при внутренней слышимости, при наличии скрытых речедвижений, особенно в процессе внутренних размышлений, осмысление происходящих событий, принятие решений и т.д.

Морфологическая структура внутренней речи отмечается сжатостью, сокращённостью, фрагментарностью словарного состава внутренней речи [7, с. 43-44]. В следующем ниже отрывке из рассказа У. Сарояна «Огонь» мысли персонажа носят отрывистый характер, производя эффект эмоциональной внутренней напряжённости.

“The fire. That was all. The laughter. The singing. The blossoming of the flower. The color and the sadness, and the bright petals falling to the floor and ending. The ending, especially. Even though one petal followed another endlessly. The house was no good any more ... the world was no good. She was no there...” [21, с. 174]. (Огонь.

И больше ничего. Смех. Пение. Благоухание цветка. Цвет и печаль, и яркие лепестки, опадающие и умирающие. Да, умирающие. Даже если лепестки падали без конца. Дом теперь был не мил ему ... да и весь свет тоже. Ведь её больше не было).

Очевидно, что на ранних фазах внутренней речи её лексический состав различен: от предельной сжатости ... до логически осмысленных, морфологически оформленных лексических единиц (в стадии, близкой к «проговариванию», т.е. к внутренней речи). Эта психологическая особенность внутренней речи, отражаясь в НПР, представляет широкие возможности в целях психологического изображения [7, с. 44].

А. Н. Соколов показал, что в процессе мышления внутренняя речь представляет собой активный артикуляционный, несознаваемый процесс, беспрепятственное течение которого очень важно для реализации тех психологических функций, в которых внутренняя речь принимает участие [11, с. 162-166].

Внутренняя речь – психологическое явление, существующее только в сознании, как уже отмечалось выше. Как только она получает языковое оформление, внутренняя речь как таковая перестаёт существовать и становится языковым явлением – внутренней несобственно-прямой речью [16, с. 241].

Внутренняя НПР – существенная часть психологической структуры художественной литературы. Психологический анализ, по мнению А. М. Левидова, особенно эффективен при изображении сложных, «спиралевидных» характеров, «спиралевидных» эмоций [6, с. 46, 61]. Однако психологический анализ в литературном произведении – это изображение и «изнутри» и «извне», т. е. познание внутреннего мира персонажей, отражающегося в их внутренней речи, в сочетании с психологической авторской интерпретацией речи, поступков, поведения, мимических и других средств внешнего проявления психики [12, с. 4].

Как писал М. М. Бахтин, гибридизация, смешение акцентов, стирание границ между авторской и чужой речью достигается тремя синтаксическими

шаблонами передачи (прямая речь, косвенная речь и несобственно-прямая речь), различными комбинациями этих шаблонов и — главное — различными способами реплицирующего обрамления и переслоения их авторским контекстом; осуществляется многообразная игра речей, их взаимное переплескивание и их взаимное заражение [3, с.133-134].

Итак, анализ психологической природы НПР даёт основание говорить о генетической двуплановости (внешняя НПР и внутренняя НПР), диалектической взаимосвязи её основных психологических субстанций (внутренняя речь и внешняя речь), наличии относительно стабильных лингвистических особенностей внутренней речи, отражении во внутренней речи социально-психологических мотивов. Двойственная психологическая природа НПР в значительной мере обусловила её неисчерпаемые художественно-психологические возможности в литературных произведениях. НПР обладает широким спектром полифункциональных возможностей в нарративном дискурсе. Данный вид чужой речи выполняет интерпретативную, психоописательную и сюжетоорганизующую функции. НПР обладает уникальными свойствами: описание сокровенных мыслей и чувств действующих лиц придаёт особый психологизм прозаическому произведению. Иногда только вкраплённая в речь повествователя, она непроизвольно настраивает читателя на сопереживание.

Список литературы

1. Ананьев Б. Г. К теории внутренней речи в психологии // Уч. Записки Ленинградского педагогического института. Сб. ст. Т. 53. Л.: Изд-во ЛГПИ, 1946. – с. 155-173.
2. Андриевская А. А. Несобственно-прямая речь в современной французской художественной прозе: Дисс. ... д-ра филол. наук. Киев, 1970. 421 с.
3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: «Художественная литература», 1975. 504с.
4. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М., 1956. 503 с.

5. Гончарова Е. А. Несобственно-прямая речь в современной немецкой художественной прозе: Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1968. 261 с.
6. Левидов А. М. Автор-образ-читатель. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 326 с.
7. Кусько Е. Я. Проблемы языка современной художественной литературы. Несобственно-прямая речь в литературе ГДР. Львов: Вища школа, 1980. 208с.
8. Немов Р. С. Психология. Учеб. для студентов высш. пед. учеб. заведений. В 3 кн. М.: Просвещение: Владос, 2003. Кн.1. 576 с.
9. Сахарова Н. Ю. Несобственно-прямая речь в системе способов передачи речи. (На материале французской литературы): Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1970. 284 с.
10. Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947. 651 с.
11. Соколов А. Н. Психофизиологическое исследование внутренней речи // Гиппенрейтер Ю. Б., Петухов В. В. Хрестоматия по общей психологии: Психология мышления. Москва: Издательство Московского университета, 1981. 400 с; 162-166 с.
12. Страхов И. В. Психологический анализ в литературном творчестве. Саратов, 1975. 159 с.
13. Ханова А. Ф. Функциональные особенности несобственно-прямой речи в романе Б. Келлермана «Пляска смерти» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. I. с. 201-204.
14. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. – Dusseldorf, 1971. 251 S.
15. Faulseit D. Die literarische Erzähltechnik. Halle, 1963. 87 S.
16. Galperin I. R. Stylistics. М.: Higher School, 1977. 344 с.
17. Joyce J. A Painful Case. // Антрушина Г. Б. Another book for reading and discussion: Пособие для чтения на английском языке. М.: Международные отношения, 1979. 192 с; с. 31-43.
18. Murdoch I. The Time of the Angels. Triad/Panther Books, 1978. 236 p.
19. Murdoch I. Under the Net. Москва «Просвещение», 1989. 176 с.

20. Saroyan W. The Daring Young Man on the Flying Trapeze. // Saroyan W. Selected Short Stories. M.: Progress Publishers, 1975. 464 c; c. 33-41.
21. Saroyan W. The Fire. // Saroyan W. Selected Short Stories. M.: Progress Publishers, 1975. 464 c; c. 170-175.